

В.В. Битнер, Г. Аллен, Е.А. Волк

**Эволюция идеи Божества: исследование о
происхождении религий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.В. Битнер**
Эволюция идеи Божества: исследование о происхождении религий / В.В. Битнер, Г. Аллен, Е.А. Волк – М.: Книга по Требованию, 2024. – 82 с.

ISBN 978-5-518-02665-0

ISBN 978-5-518-02665-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

послѣ многихъ такихъ явленій, онъ на глазахъ своихъ приверженцевъ вознесся въ облака и тамъ, какъ гласитъ одинъ изъ источниковъ, «былъ взятъ на небо и сѣлъ одесную Бога», т. е. іудейскаго національнаго бога—*Iahve*.

Таково ядро первоначальнаго христіанскаго ученія, которое дошло до насъ, искаженное чудесами, въ четырехъ или пяти памятникахъ сомнительной древности и достовѣрности. Но даже эта основная мысль не достаточно ясно выражена въ посланіяхъ апостола Павла, которыя обыкновенно считаются самыми древними христіанскими сочиненіями; вполне яркой и выпуклой она становится лишь въ евангеліяхъ и въ «Дѣяніяхъ апостоловъ», составленныхъ нѣсколько позже. Изъ болѣе простыхъ и, вѣроятно, самыхъ раннимъ свидѣтельствъ мы узнаемъ только исторію смерти и воскресенія, при разсказѣ о которыхъ ссылаются на сомнительное показаніе «молодого человѣка въ длинной бѣлой одеждѣ». Въ добавленіе къ этому, въ позднѣйшую эпоху присоединили «явленія» Іисуса многимъ вѣрующимъ. Наше изслѣдованіе, стоящее на антропологической точкѣ зрѣнія, проходитъ мимо всѣхъ споровъ, которые были вызваны въ наукѣ этими разсказами. Намъ достаточно установить (а для этого имѣются всѣкія доказательства), что въ Галилеѣ жилъ дѣйствительный, реальный историческій человѣкъ, по имени Іисусъ, и что его ученики, тотчасъ послѣ его смерти, увѣровали, что онъ воскресъ и черезъ нѣкоторое время вознесся на небо. Далѣе, очень рано стали говорить, что Іисусъ «сынъ Божій» въ неестественномъ и сверхъестественномъ смыслѣ; т. е., еще разъ подчеркиваю, сынъ *Iahve*, національнаго и территориальнаго божества іудеевъ. Другими словами, культъ Іисуса былъ поставленъ въ пресмственную связь съ болѣе древнимъ историческимъ культомъ народа, среди котораго онъ жилъ, и изъ рядовъ котораго вышли всѣ, безъ исключенія, первые ученики. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ какой-нибудь новой религіей, которая имѣла бы цѣлью подорвать или уничтожить старую, но которая, наоборотъ, базировалась на тѣхъ идеяхъ, которыя были общи всему семитическому народу. Тѣ немногіе іудеи и галилеяне, которые видѣли въ Іисусѣ божественный образъ, вовсе не считали нужнымъ, принимая новую вѣру, отказываться отъ своихъ прежнихъ религіозныхъ воззрѣній. Наоборотъ, эти воззрѣнія усиливали ихъ вѣру въ Іисуса, въ его прежнее бытіе, какъ части *Iahve*, и въ превращеніе его въ человѣка въ цѣляхъ искупленія. И когда его культъ распространился по сосѣднимъ странамъ (въ дѣйствительности, благодаря дѣятельности нѣкоего Павла изъ Тарса, который въ жизни никогда его не видѣлъ, но узналъ его въ такъ называемомъ «видѣніи»), то культъ *Iahve* понемногу принялъ видъ того измѣненнаго мистическаго монотеизма, который вмѣстѣ съ іудейскими основами составляетъ древнее исповѣданіе новой христіанской всемірной церкви.

Вокругъ личности и жизни вождя христіанства, какъ и всякаго основателя религіозной формы, разросся циклъ еще другихъ легендъ или, вѣрнѣе, его приверженцы стали распространять различные разсказы, какъ факты изъ его біографіи. Рожденіе бога или божественной личности естественнымъ путемъ отъ женщины показалось имъ оскорбительнымъ для достоинства Іисуса или даже могло бы, по ихъ мнѣнію, повліять на успѣхъ пропаганды его вѣры, поэтому стали утверждать, что учитель былъ рожденъ дѣвой по таинственному внушенію свыше. Хотя иногда онъ и называется сыномъ назаретскаго плотника Іосифа и его законной жены Маріи, однако въ немъ видѣли сына бога іудеевъ—*Iahve*, подобно тому, какъ Александръ Великій считался отраслью бога Аммона-Ра или Аммона-Юпитера, хотя всѣ знали, что онъ сынъ Филиппа Македонскаго. Говорили же

(по недостаточному свидѣтельству — сну Іосифа), что Іисусъ родился отъ дѣвы Маріи и святого духа Іаһве. Далѣе, его производили изъ царскаго рода Давидова, отъ дѣйствительнаго или миѳическаго царя іудеевъ; въ священныя книги евреевъ подыскивали пророчества, которыя яко-бы осуществлялись въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ его жизни. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ описаній жизни Іисуса, которое приписывается Лукѣ, одному изъ спутниковъ апостола Павла, но которое въ дѣйствительности носитъ слѣды болѣе поздняго времени, передается много чудесъ изъ его юности; въ другихъ памятникахъ рассказывается также о его сверхъестественной силѣ, при чемъ вездѣ для подворженія истинно божественной миссіи приводятся древне-еврейскія пророчества.

Позднѣе мы увидимъ, что оба эти пункта—постепенное нарастаніе миѳа или легенды и его обоснованіе болѣе древними мѣстными религіозными идеями—являются параллельными въ процессѣ эволюціи боговъ вообще и всякаго бога въ частности. Почти въ каждомъ случаѣ, гдѣ мы можемъ прослѣдить такую эволюцію до самаго конца, божество возникаетъ изъ обоженнаго человѣка. Такой богочеловѣкъ возвышается своими почитателями до степени Бога; жизнь и личность его окружается ореоломъ чудесъ и часто ставится въ связь съ личностью уже имѣющихся боговъ.

Очевидно, что первоначально юное христіанство стояло въ неопредѣленномъ отношеніи къ іудейству: христіане разсматривали себя, какъ іудейскую секту; они отличались отъ іудеевъ лишь особымъ почитаніемъ своего умершаго учителя, который, по ихъ вѣрованію, для прославленія былъ взятъ на небо обычнымъ для того времени путемъ. Но по мѣрѣ того, какъ разрасталась христіанская церковь, она, съ одной стороны, все болѣе точно самоопредѣлялась въ то время, какъ, съ другой стороны, развивалось особымъ путемъ ея вѣроученіе. Повидимому, только въ Египтѣ ученіе о тріединности получило свою окончательную форму. Подъ вліяніемъ стараго пристрастія египтянъ къ тріадамъ, или тріединнымъ божествомъ, изъ еврейскаго «Іаһве» и человѣка Іисуса при помощи «духа святого» или «мудрости Іаһве» составилось нѣчто въ родѣ таинственнаго тріединого божества. Какое вліяніе могла оказать египетская троица—Озирисъ, Изиды и Горусъ—на созданіе идеи троицы: Отца, Сына и Духа Святого—объ этомъ рѣчь впереди; предварительно укажемъ только, что египтянинъ Ананасіи былъ самымъ яркимъ защитникомъ установленнаго догмата тріичности, и что названное по его имени исповѣданіе проникнуто вполне мистическимъ египетскимъ духомъ, который повсюду смягченъ пристрастіемъ александрійскихъ грековъ къ точному разграниченію философскихъ оттѣнковъ.

И въ этомъ отношеніи исторія христіанства, какъ мы увидимъ впоследствии, нисколько не отличается отъ исторій другихъ религій. Сперва отношеніе боговъ другъ къ другу неясно и колеблется; ихъ происхожденіе темно и часто полно противорѣчій; и на Олимпѣ еще нѣтъ никакихъ слѣдовъ различія боговъ по рангу и положенію. Но съ теченіемъ времени священниками и прочими посвященными возбуждаются теологическіе и миѳологическіе споры; детали устанавливаются въ формѣ непоколебимыхъ религіозныхъ нормъ; и только тогда въ первоначальную грубую вѣру вводятся философскія и метафизическія тонкости и прикрасы.

Въ другихъ странахъ, видѣ Іудей, а именно въ Галліи, Римѣ и Египтѣ огромную помощь мистикѣ оказали обычай употребленія символовъ, эмблемъ: здѣсь возникли всѣ символическія фигуры древняго христіанства, между прочимъ крестъ (греческое тау τ), монограмма Христа—ихтюзъ (ⲠϞϞϞ), альфа и омега и др.; здѣсь же впервые оформились зачатки христіанскаго искусства. Именно потому, что христіанство стремилось стать религіей міровой, а не

территориально-національной, оно должно было на своемъ пути завоеваній заимствовать нѣкоторыя части ученія изъ разнообразныхъ источниковъ.

Первоначально въ христіанствѣ царилъ только тріединый Богъ въ его трехъ лицахъ. Но уже очень рано, если не при самомъ зарожденіи христіанскаго культа, было въ обычаѣ почитать останки тѣхъ, которые пострадали за вѣру, быть можетъ даже обращаться въ помощи ихъ при молитвахъ Отцу и Иисусу. Римская вѣтвь юной церкви, тѣсно связанная съ культомъ предковъ и «*Dii Manes*» *), устраивала богослуженія въ подземельяхъ-катакомбахъ: сюда ея послѣдователи сходились для общихъ молитвъ; здѣсь же хоронили они своихъ покойниковъ. Отсюда возникъ обычай призывать въ качествѣ просителей или заступниковъ передъ лицомъ Христа и Отца тѣхъ святыхъ, на могилахъ или мощахъ которыхъ совершались молитвы. Древніе христіане привыкли еще, въ качествѣ язычниковъ, почитать души своихъ умершихъ близкихъ; и этотъ благочестивый обычай они перенесли въ новую вѣру. Такимъ образомъ, всѣ участники въ созданіи христіанства, какъ-то: Павелъ, Петръ, апостолы, евангелисты, мученики и другіе, въ глазахъ исповѣдующихъ новую вѣру, заняли положеніе божествъ второго ранга.

Среди личностей, удостоившихся почестей въ христіанствѣ, мать Иисуса уже очень рано заняла исключительное мѣсто. Вѣдь богини играли большую роль въ болѣе древнихъ религіяхъ; поэтому вполне естественно, что почитатели Изиды и Паштъ *), Артемиды и Афродиты, въ юной религіи обратились къ предмету женскаго культа. Родительница Бога, мать Бога, св. Дѣва скоро получила особую важность въ христіанскомъ культѣ, занявъ мѣсто почти наравнѣ съ Троицей, а въ южныхъ странахъ Европы и превзойдя ее. Излюбленнымъ сюжетомъ христіанскаго искусства стала Дѣва и Младенецъ. Позднѣе будетъ показано, сколь глубоко въ данномъ случаѣ вліяніе Египта на эту особенность духовнаго развитія христіанства, и какъ идея Дѣвы относится къ египетской богинѣ Изидѣ и ребенку Горусу на ея колѣняхъ. Замѣтимъ лишь, что всѣ эти полу-боги или божества второго ранга, святые и мученики, были реальными, историческими существами. Другими словами: наряду съ Богочеловѣкомъ Иисусомъ нынѣшняя христіанская церковь почитаетъ цѣлую массу менѣе значительныхъ мужей и женъ, епископовъ, святителей, дѣвъ, мучениковъ и другихъ,—которые въ этой церковной іерархіи занимаютъ мѣсто ступеню ниже Иисуса.

Многобожіе, введенное путемъ обычая въ христіанство, росло все больше и больше. Религія, въ первые дни номинально монотеистическая, принявъ принципъ 3 лицъ въ одномъ божествѣ, скоро отступила отъ строгаго монотеизма, хотя и старались (тщетно, увы) снова привести Троицу къ единству путемъ столь же необъятной, сколь и таинственной догмы Аванасія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мадонна (съ младенцемъ) съ теченіемъ времени достигла такого почитанія, что поднялась до степени независимаго божества; въ то же время отдѣльные святые (напримѣръ Севастіанъ, Георгій, Іоаннъ Креститель, Екатерина и Тома *) Кентерберійскій), въ разныхъ мѣстахъ стали такими же значительными по культу, какъ и само божество. Такъ какъ въ каждомъ поколѣніи появлялись свои святые, то Олимпъ второго ранга все болѣе заполнялся, въ то время какъ культъ предыдущихъ святыхъ продолжалъ существовать. Незначительныя личности въ родѣ свя-

*) *Dii Manes*—души умершихъ. На римскихъ памятникахъ ставились инициалы. Д. М. (*Dii manibus*—душамъ умершихъ). Эти же инициалы первоначально ставились и христіанами.

*) Паштъ или Сехетъ—египетская богиня плодородія. Она обыкновенно изображалась съ кошачьей головой.

*) Тома Бекетъ—архіепископъ кентерберійскій. Въ 1170 г. убитъ англійскими лордами у алтаря въ кафедральномъ соборѣ. Въ 1173 г. причисленъ къ лику святыхъ.

тыхъ Криспина, Космы, Хада, Кутберта, заняли въ качествѣ различныхъ окружныхъ патроновъ положеніе мѣстныхъ божествъ болѣе древнихъ религій. Каждое ремесло, каждый цехъ, каждый народъ, каждая провинція имѣютъ своихъ святыхъ. И въ то же самое время въ церкви также происходилъ переворотъ. Прибывали все новые символы вѣры: апостольскій, накейскій, аванасіевскій и другіе; каждый изъ нихъ содержалъ новыя и очень часто хитроумныя добавленія къ массѣ признанныхъ уже догмъ. Соборъ за соборомъ прибавлялъ все новые члены вѣры отъ единства Божія до непогрѣшимости папы въ духовномъ смыслѣ. И все это—хорошо извѣстныя явленія въ процессѣ развитія всякаго культа: постепенное усовершенствованіе членовъ вѣры подъ вліяніемъ жреческой и философской учености.

Еще нѣкоторые пункты должны мы отмѣтить въ развитіи христіанства при разсмотрѣніи его, какъ образца религіозныхъ формъ.

Относительно церковныхъ обычаевъ и другихъ важныхъ частей религіознаго ритуала слѣдуетъ прямо сказать, что христіанство предпочло позаимствовать ихъ изъ болѣе древнихъ культовъ, вмѣсто того чтобы продолжать самому ихъ естественное и оригинальное развитіе. Нынѣшнее священство, повидимому, было вовсе необязательно въ древнемъ христіанствѣ; и достоинства спяскоповъ, священниковъ и діаконовъ были введены въ него скорѣе, какъ подражаніе жречеству древнихъ религій, чѣмъ по внутреннему сродству съ основными принципами новой вѣры. И подобное подражаніе неизбежно по самому смыслу вещей. Ибо первообразъ храма—могила и алтарь—могильный камень; а первымъ священникомъ былъ родственникъ умершаго или его замѣститель, приносявшій обычные дары на могилѣ усопшаго. И отличіе культа Іисуса, почти отъ всѣхъ другихъ культовъ, состоитъ именно въ томъ, что его останки, по сообщенію памятниковъ, вскорѣ исчезли; а въ основу новаго религіознаго строенія легли воскресеніе и вознесеніе Іисуса. А потому культъ его тѣннаго тѣла необходимо долженъ былъ принять нѣсколько иной видъ, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ обожествлялись мертвые люди. И въ дальнѣйшемъ поэтому не доставало всѣхъ тѣхъ частей культа, изъ которыхъ при нормальныхъ обстоятельствахъ развивались храмъ, алтарь, жертвы и священство.

Между тѣмъ эти важныя и обычные (хотя и стороннія) детали настолько тѣсно примыкаютъ, по понятіямъ приверженцевъ всякой религіи, къ самой ея сути, что христіанскій культъ счелъ необходимымъ создать ихъ, хотя бы для этого и пришлось прибѣгнуть къ заимствованію изъ предыдущихъ религій. Впослѣдствіи эти чуждыя нормы были приведены въ извѣстную искусственную связь съ основнымъ ученіемъ. Внѣшними толчками невозможно вызывать переворотовъ въ человѣческомъ духѣ. Язычники привыкли разсматривать институтъ жречества, храмъ и алтарь, какъ неотъемлемную часть своей религіи; ставъ же христіанами, они продолжали подводить ихъ подъ понятія новой вѣры; хотя эти элементы, по самой своей природѣ, были отнюдь неумѣстны въ христіанствѣ.

Но только возникали святыни на могилахъ святыхъ или мучениковъ; не только совершались богослуженія на мощахъ святыхъ въ катакомбахъ и иныхъ мѣстахъ, но придумали также устраивать во время обѣдинъ жертвы, жертвенныя трапезы,—какое-то искусственное развитіе первобытныхъ христіанскихъ «трапезъ любви» (агапе), происходившихъ вѣроятно, даже безъ участія священниковъ. Мало-по-малу возникали церкви на реликвіяхъ священномучениковъ, и съ теченіемъ времени стало нормальнымъ обычаемъ, что каждая церковь должна имѣть алтарь, сооружавшійся по образу и подобию древнихъ священныхъ камней. Этотъ алтарь содер-

жалъ въ себѣ останки или мощи святого; его освящали, подобно всѣмъ болѣе древнимъ могильнымъ камнямъ, поливаніемъ масла; предназначался онъ для торжественнаго принесенія жертвы во время обѣдни. Все это мало-по-малу принимало все болѣе и болѣе жреческій и искупительный характеръ. Когда возрасло значеніе и авторитетъ святыхъ, возникли новыя святыни, вблизи ихъ могилъ, нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ стали центромъ паломничества даже изъ самыхъ далекихъ христіанскихъ странъ; въ особенности извѣстна пустая могила Іисуса, такъ называемый, «гробъ Господень» въ Іерусалимѣ.

Возрастаніе значенія священничества въ общемъ шло параллельно съ ростомъ церковныхъ обязанностей, пока наконецъ оно не достигло апогея въ средніе вѣка, при расцвѣтѣ папства съ его іерархіей кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, прелатовъ и безчисленнаго причта. Появились облаченія, ризы, ладанъ и другія принадлежности жреческаго бытія. Все это соотвѣтствуетъ вообще болѣе высокимъ ступенямъ развитія любого культа. Точно также появились посты,—запрещеніе въ нѣкоторые дни недѣли ѣсть мясо и прочую скоромную пищу. Но зато монашество, безбрачіе, кастрація и другія формы болѣзненнаго воздержанія особенно часты лишь на Востокѣ; высшее свое проявленіе эти формы нашли въ образѣ жизни сирійскихъ и египетскихъ отшельниковъ.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о происхожденіи и развитіи священныхъ книгъ, которыя достигли въ настоящее время обычнаго поклоненія въ сѣверо-западномъ христіанствѣ. Первоначально онѣ состояли изъ подлинныхъ или подложныхъ писемъ апостоловъ къ различнымъ мѣстнымъ общинамъ, такъ называемыхъ «посланій», изъ которыхъ нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, особенно почитались и охранялись; позднѣе присоединились появившіяся легендарныя біографіи Іисуса и его личныхъ учениковъ—евангелія и Дѣянія апостоловъ. Далѣе, когда христіанство переняло отъ іудейства культъ единого высшаго божественнаго начала и рассматривало его уже не какъ «Jahve» — національнаго іудейскаго бога, но какъ Бога и Отца всего міра, то, въ глазахъ новаго священничества, получили особое значеніе и авторитетъ священные книги іудейскаго народа—письменность культа Jahve. Происходившій въ теченіе долгаго времени отборъ сочиненій привелъ къ «канону» св. писанія, составленному изъ различныхъ частей, не объединенныхъ въ одно цѣлое; церковью были приняты историческіе или якобы историческіе и пророческіе іудейскіе трактаты, къ которымъ добавили произведенія позднѣйшей эпохи, напримѣръ, книгу Даниіла. Все это получило названіе Ветхаго Завѣта.

Книги, имѣвшія болѣе общеобязательное значеніе, какъ-то жизнеописанія Іисуса—евангелія; дѣянія апостоловъ, посланія къ общинамъ и странная мистическая аллегорія изъ эпохи нероновскихъ гоненій—апокалипсисъ, или откровеніе Іоанна, были избраны изъ огромнаго числа древне-христіанской письменности и образовали авторитетный кодексъ божественныхъ писаній, санкціонированныхъ церковью,—такъ называемый Новый Завѣтъ. Вліяніе этихъ разнообразныхъ по составу сборниковъ, въ которые вошли образцы письменности различныхъ лицъ и различныхъ историческихъ періодовъ; сборниковъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ однимъ общимъ именемъ Библии, расло параллельно съ возвышеніемъ авторитета церкви. Въ настоящее время наиболѣе яркими и фанатичными почитателями Библии являются полуобразованные приверженцы англійскихъ и американскихъ сектъ.

Изъ этого бѣлаго и короткаго обзора главнѣйшихъ факторовъ въ развитіи христіанскаго вѣроученія, предпосланнаго нами только въ виду требованій нашего дальнѣйшаго изслѣдованія, всякій проницательный чи-

татель ясно увидитъ, что христіанство не можетъ намъ дать никакихъ прямыхъ разъясненій по вопросу эволюціи идеи божества. Ибо понятіе единого Бога или многихъ боговъ существовало не только задолго до возникновенія христіанства, но уже за много столѣтій до рожденія человѣка—Исуса, іудейскіе учителя дошли до простого и яснаго, строго монотеистическаго представленія о Единомъ, Величайшемъ Богѣ, Творцѣ, Создателѣ и Вседержителѣ всего міра. Христіанство заимствовало у іудейства эту высокую идею и, говоря откровенно, погубило ее введеніемъ сына и Св. Духа, ибо благодаря этому совершенное единство іудейской идеи было нарушено и уничтожено. Но не только въ Іудеѣ дошли до понятія единого Бога; въ Египтѣ «тайное ученіе» жрецовъ заключалось въ изображенія и представленія, правда, въ мистическихъ образахъ, единого Бога, и отсюда-то по большей части и были взяты христіанскія догмы троичности, логоса, воплощенія святого Духа. Александрійскіе іудеи были посредниками между египетскимъ язычествомъ, греческой философійей и древнимъ христіанствомъ; ихъ полу-философскія, полу-религіозныя идеи мы находимъ въ первыхъ сочиненіяхъ нарождающейся церкви. Такимъ образомъ, христіанство, въ какомъ бы отношеніи ни разсматривать его, не можетъ непосредственно служить намъ исходнымъ пунктомъ при разборѣ вопроса о происхожденіи и развитіи идеи моно-и политеизма.

Однако, по моему мнѣнію, съ полнымъ правомъ можно признать исторію христіанства типичной для всѣхъ другихъ религій, такъ какъ зачатки его намъ лучше всего извѣстны.

Въ этомъ отношеніи значеніе его станетъ наиболѣе понятнымъ, если я укажу, въ чемъ оно можетъ и въ чемъ не можетъ послужить для насъ образцомъ.

Для насъ въ христіанствѣ особенно важно то, что его главнымъ содержаніемъ, первоначально, былъ исключительно культъ обожествленнаго человѣка. Все прочее, что церковь утверждаетъ объ этомъ реальномъ лицѣ—что онъ сынъ Божій; что онъ воплощеніе Логоса; что онъ жилъ во всѣ вѣка, что теперь онъ сидитъ «одесную Отца»—все это—богословскія росказни. Онѣ не могутъ затемнить той ясной и всѣмъ понятной истины, что эта божественная личность—Богъ, равный въ сущности Отцу, рожденный Отцомъ, указанный Отцомъ прежде, чѣмъ былъ свѣтъ,—былъ человѣкомъ—рано умершимъ, почитаемымъ небольшимъ количествомъ крестьянъ-галилеянъ, которые знали его, какъ Исуса, сына плотника.

Если въ нашемъ очеркѣ христіанской вѣры мы оставимъ въ сторонѣ одну ея часть, а именно — уже тогда извѣстнаго въ качествѣ высшаго Бога — іудейскаго Jahve, заимствованнаго христіанствомъ изъ іудейской религій, то мы можемъ утверждать, что каждый элементъ христіанскаго Олимпа — Исусъ, Мадонна, Іоаннъ Креститель, Петръ, апостолы, авангелисты, были реальными людьми, которые послѣ смерти удостоились божескихъ или почти божескихъ почестей, подобно святымъ Карлу Борремеусу, Фомѣ Контерберійскому или святой Терезѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ при изслѣдованіи выясняется, что въ наилучше извѣстной намъ религій, единственной, которая выросла при свѣтѣ исторіи, единственной, боги и святые которой достоверно извѣстны, каждый объектъ культа является реальнымъ лицомъ, если, конечно, оставить въ сторонѣ единственно древнее и до сихъ поръ необъяснимое божество Израиля, происхожденіе котораго пропадаетъ во тьмѣ вѣковъ. Этотъ моментъ, который до сихъ поръ еще не оцененъ по достоинству, по моему мнѣнію, особенно важенъ при изслѣдованіи происхожденія божества.

Во-вторыхъ, въ качествѣ образца, мы можемъ взять въ христіанствѣ все то, что составляетъ дальнѣйшую его эволюцію, а именно: постепенное

возвышеніе одного изъ почитаемыхъ существъ до Бога съ неограниченной силой, появленіе божествъ второго ранга — святыхъ, вслѣдствіе обоженія различныхъ умершихъ мужчинъ и женщинъ; народженіе замкнутого строго іерархическаго класса духовныхъ лицъ; возникновеніе чудесной легенды, образованіе опредѣленнаго вѣроученія, философіи и прямой догмы; канонизація священныхъ книгъ, нормъ ритуала и богослужебныхъ формулъ; созданіе церковныхъ обрядностей, мистерій, посвященій, таинствъ, почитанія реликвій, св. мѣстъ, гробницъ, могилъ и мощей; установленіе строгой связи между религіей, какъ цѣлаго, съ идеями смерти, души, духа, воскресенія мертвыхъ, вѣчнаго суда, ада, неба, загробной жизни. Эти идеи составляютъ ту обширную группу представленій, съ которыми въ сознаніи первобытнаго человѣка связывается фактъ смерти. Съ другой стороны, христіанство въ нѣкоторыхъ пунктахъ отнюдь не можетъ служить намъ образцомъ.

Уже потому, что оно заимствовало у болѣе древнихъ религій наличную готовую теологію и прежде всего единого, высшаго Бога, оно не можетъ быть для насъ примѣромъ. Въ каждой развивающейся религіи мы наблюдаемъ (это можно съ увѣренностью утверждать), что она перенимаетъ нѣкоторыя черты другихъ культовъ, ибо каждая новая религіозная система базируется на болѣе древнихъ понятіяхъ; и вообще, врядъ ли возможно указать какую-нибудь неспорченную чистую и самостоятельную древнюю религіозную форму. Именно христіанство въ этомъ смыслѣ весьма неоригинально, ибо оно восприняло готовую вѣру въ единого Бога, служащую какъ бы показателемъ высоты всякаго религіознаго мышленія. Благодаря той откровенности, съ которой христіанство признаетъ обоженнаго и одухотвореннаго галилейскаго крестьянина—реальнымъ элементомъ своего высшаго божества, мы въ состояніи, правда, подойти на шагъ ближе къ источнику Божества. Но съ другой стороны христіанство—самая абстрактная религія, такъ какъ она особенно подчеркиваетъ, что второй элементъ Божества (Отецъ съ его вѣчнымъ спутникомъ — Духомъ Святымъ) не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго и что происхожденіе его теряется въ сѣдои древности. Поэтому если бы мы захотѣли прослѣдить происхожденіе этой идеи, то мы должны были бы обратиться къ необъяснимому элементу христіанства — къ іудейскому *iahve*. Тоже самое изслѣдованіе, которое мы примѣняемъ къ Иисусу или Будѣ должно намъ показать, что и *iahve* тоже есть необычайно возвеличенный и возвышенный духъ какого-нибудь матеріальнаго существа. Далѣе христіанство заимствовало весьма широко у чужихъ культовъ идеи священства, жертвы, храма, алтаря, хотя въ христіанствѣ всѣ эти идеи имѣютъ нѣсколько менѣе важное значеніе, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ намъ религіозныхъ формахъ. Это является слѣдствіемъ страннаго исчезновенія или, по крайней мѣрѣ, отсутствія трупа его основателя. Великолѣпные храмы, многочисленное духовенство, мессы, алтари, реликвіи, — все это введено въ христіанство постепенно, но все это частью заимствовано, частью присоединилось, какъ естественное добавленіе къ культу святыхъ и мучениковъ, ихъ останковъ, ихъ гробницъ, катакомбъ и реликвій.

Въ дальнѣйшихъ главахъ я хочу прослѣдить развитіе идеи божества отъ самыхъ грубыхъ, зачаточныхъ его формъ до самыхъ высокихъ. Я начинаю съ духа и съ неразвитаго древняго божества; потомъ перейду къ политеизму; къ появленію единобожія, а затѣмъ снова возвращусь къ сложному христіанскому пониманію Бога. Я попытаюсь представить эволюцію идеи Бога, отправляясь отъ эволюціи идеи божества вообще, пока я не дойду, наконецъ, послѣ постепеннаго разсмотрѣнія боговъ другихъ народовъ, до высоко развитыхъ представленій еврейскихъ, христіанскихъ и

магометанскихъ божествъ. А цѣль, къ которой я стремлюсь, и которая уже указывалась въ этомъ введеніи,—доказать, что идея единого Бога выросла изъ культа мертваго человѣка, считаемаго живымъ—духомъ и надѣляемаго огромнымъ сверхъестественнымъ могуществомъ и различными другими свойствами.

Глава II.

Религія и міеологія.

Въ самомъ началѣ столь сложнаго изслѣдованія, какъ настоящее, мы наталкиваемся на весьма значительныя затрудненія. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей даннаго вопроса міеологія является слѣдствіемъ какъ-бы «болѣзни языка» того или иного народа. Много серьезныхъ ученыхъ увѣряютъ насъ, что корни религіи надо искать не въ представленіяхъ дикаря о духахъ и привидѣніяхъ, о мертвецахъ и трупахъ, но въ ложномъ пониманіи въ древности смысла тѣхъ словъ, которыя обозначали понятія солнца, и луны, звѣздъ, тучъ, вѣтра, дождя, сумерекъ и тьмы и, вообще, различнѣйшихъ явленій природы. Если это дѣйствительно такъ, то наша попытка вывести развитіе божества изъ взглядовъ дикаря и первобытнаго человѣка не можетъ привести къ правильнымъ выводамъ.

Но я считаю приведенныя соображенія невѣрными. Для меня почитаніе солнца, луны и звѣздъ является не древнимъ, кореннымъ элементомъ религіи, но болѣе поздней и производной формой культа; я думаю, что изслѣдователи міеологіи ошибаются, считая міеологію чѣмъ то весьма важнымъ для разъясненія понятія единого или многихъ боговъ. И все-таки, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, мы должны твердо установить взаимоотношеніе религіи и міеологіи.

Другая группа новѣйшихъ мыслителей заявляетъ, что религія возникла первоначально изъ чувства страха дикаго человѣка передъ таинственными и могучими силами окружающей его природы. Я не стану отрицать, что нѣкоторыя міеологическія существа титаническаго характера возникли именно такимъ путемъ. Я охотно допускаю подобное происхожденіе нѣкоторыхъ чудовищныхъ драконовъ и пр., которые жили и живутъ въ воображеніи дикихъ или полу-дикихъ людей. Я оставляю въ сторонѣ чертей этрусковъ, сатану іудеевъ, огненныхъ драконовъ, всю серію перберовъ, циклоповъ, центавровъ и пр., ибо это тоже не божества. Подъ понятіемъ Бога я разумю сверхъестественное существо, которому поклоняются и молятся; и именно такъ понимаетъ Бога почти все человѣчество уже съ давнихъ поръ. Какъ блестяще доказалъ Робертсонъ Смитъ, отношеніе Бога къ людямъ характеризуется защитой и дружбой. Конечно, иногда онъ бываетъ золъ на людей, но его гнѣвъ—гнѣвъ отца—легко проходитъ; обыкновенно онъ дружески расположенъ къ людямъ,—поэтому его почитаютъ, какъ великаго и добраго отца. И только съ богами въ этомъ смыслѣ предстоитъ намъ имѣть дѣло.

Переходимъ теперь къ сущности и опредѣленію религіи. Если спросить какого-нибудь умнаго ребенка «что такое религія?», онъ почти всегда отвѣтитъ: «читать молитвы, біблію, пѣть священные гимны и ходить по воскресеньямъ въ церковь». Если спросить о томъ же умнаго и цѣлостнаго индійскаго крестьянина, онъ отвѣтитъ въ томъ же смыслѣ: «Правильно совершать «Puja»*), и каждый день приносить дары Mahadeo» Если же задать этотъ вопросъ африканскому негру, то и онъ дастъ подобный отвѣтъ: «давать богамъ медъ и масло, пиво и баранину». И наконецъ, спросите любого сициліанскаго мужика, и вы тотчасъ услышите

*) Дѣлать «Puja» отправлять должныя обряды передъ мѣстнымъ идоломъ.

отъ него: «ставить Мадоннѣ свѣчи и молиться ей, слушать мессу и помянуть святыхъ каждый праздникъ».

И всѣ они несомнѣнно правы. Каждый изъ нихъ по своему опредѣлялъ то, что мы понимаемъ подъ религіей. Ученые, правда, смотря по вкусу и симпатіямъ, стремятся внести во всякую вѣру различныя тонкости, въ родѣ этики, мистики, философіи и метафизики. Для большей же части человѣчества религія заключается именно въ вышеприведенныхъ отвѣтахъ; и такъ религія понималась испоконъ вѣка. Всѣмъ религіямъ свойственны извѣстное количество болѣе или менѣе схожихъ предписаній объ искупленіи и прощеніи грѣховъ: пѣснопѣнія, гимны и молитвы о милости Божіей и, въ качествѣ внѣшнихъ осязательныхъ проявленій — алтарь, жертвы, храмъ, церковь, священничество, богослуженія, облаченія, церемоніи и пр.

Съ сущностью религіи, понимаемой весьма широко и въ прошломъ и въ настоящемъ, религін—безразлично какой: язычества, буддизма, христіанства и др.—имѣетъ нѣкоторую связь этической ея элементъ. Философскія же части—теологія и миѳологія, или абстрактная теорія божества, въ данномъ случаѣ весьма несущественны. Правда эта теорія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣсно связана съ религіей, и рассказы о богахъ принадлежатъ по воззрѣнію вѣрующихъ непосредственно къ самому культу: однако теологія и миѳологія отнюдь не являются частью религін въ собственномъ смыслѣ этого слова. Я утверждаю, что религія сама по себѣ является практикой, тогда какъ теологія или миѳологія служатъ теоріей.

Далѣе я намѣренъ показать, что религія и миѳологія (или теологія) имѣютъ различное происхожденіе и обуславливаются различными причинами; что ихъ соединеніе почти совершенно случайно; и что поэтому разъясненіе одной изъ нихъ вовсе не влечетъ разъясненія и другой. Бѣглый обзоръ данныхъ яснѣе обнаружитъ правильность взгляда на религію, какъ на практику. Тогда мы увидимъ, что основная сущность религіи заключается въ небольшомъ количествѣ обычаевъ, которые почти кристаллизовались и остались неизмѣнными на всѣхъ ступеняхъ человѣческой эволюціи, несмотря на измѣненіе миѳологической или теологической теоріи. Случайно и измѣнчиво лишь обычное словоупотребленіе или философское обоснованіе отдѣльныхъ обычаевъ и поступковъ.

Въ своемъ простѣйшемъ видѣ религія заключается исключительно въ возданіи почестей мертвымъ, выражающихся въ извѣстныхъ церемоніяхъ. Изъ дальнѣйшаго выленится, что и при высокомъ духовномъ развитіи общества нашего времени, религія въ сущности такъ же заключается въ подобныхъ выраженіяхъ почтенія и благоговѣнія, при чемъ совершенно безразлично, воздаются ли эти почести трупу или духу, или божествамъ, развившимся изъ духовъ. Я начну съ изображенія самого простого вида религіи,—вѣрованій нынѣшнихъ дикихъ народовъ, и постараюсь изложить воззрѣнія и обычаи дикарей Центральной Африки, какъ они описаны Д. Макдональдомъ—весьма строгимъ и внимательнымъ наблюдателемъ.

Всѣ племена негровъ, среди которыхъ приходилось жить Макдональду, единогласно утверждали, что кромѣ тѣла есть еще что-то, что ими называлось духомъ. Актъ смерти заключается именно въ томъ, что духъ покидаетъ тѣло. Это самая широкая, самая распространенная, едва ли не самая древняя вѣра, происхожденіе которой такъ ясно и такъ наглядно изобразили Г. Спенсеръ и Лестеръ Уардъ. На вопросъ: умираютъ ли когда либо эти духи, Макдональдъ отвѣчаетъ: «нѣкоторые умираютъ и я слышалъ, что можно убить надоедливаго духа». Но нѣкоторые опровергали это. Многие говорили ему: «Ты спрашиваешь меня, умираетъ ли духъ. Я не знаю. Я никогда не бывалъ въ мірѣ духовъ, но я вѣрую, что духи живутъ очень долго». На вопросъ: «что такое боги», Макдональдъ отвѣ-

часть: «Вездѣ, гдѣ мы находимъ въ нашихъ книгахъ слово «Богъ» они ставятъ имя «Мулунгу»; но туземцы, въ дѣйствительности, такъ называютъ вообще всякаго духа. Духъ покойника также называется его «мулунгу», и всѣ жертвы и молитвы живыхъ приносятся именно этимъ духамъ мертвыхъ. Въ этомъ заключается сущность религiи туземцевъ. «Духи мертвыхъ—боги живыхъ». Гдѣ же находятся боги? Въ могилахъ? Нѣтъ, никогда... Богъ туземцевъ вовсе не могильный трупъ, но духъ, и они ищутъ этого духа въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ послѣднiе дни ихъ умершiй родственникъ. Высокое дерево передъ входомъ въ домъ, гдѣ проживалъ умершiй,—вотъ ихъ храмъ; если же тамъ нѣтъ дерева, то они воздвигаютъ маленькую ширму и передъ ней отравляютъ свои незатѣйливыя обрядности. Но такъ какъ это мѣсто обыкновенно предназначено для всеобщаго пользованiя, вслѣдствiе чего можетъ нарушиться чистота жертвенныхъ приношенiй, то они переносятъ святыню въ тщательно выбранное мѣсто подъ высокимъ, тѣнистымъ деревомъ. Очень часто приносятъ также жертвы у изголовья постели, ибо желаютъ, чтобы «туда пришелъ богъ и говорилъ со спящимъ».

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ о происхожденiи культа природы: «Духъ какого нибудь древняго вождя можетъ избрать своимъ мѣстопребыванiемъ даже гору; обитаетъ же онъ, главнымъ образомъ, на покрытой тучами вершинѣ ея. Тамъ онъ сидитъ и принимаетъ почести отъ вѣрующихъ и посылаетъ имъ освѣжительные дожди, какъ отвѣтъ на ихъ молитвы».

Наряду съ главными факторами религiознаго развитiя, какъ-то Богъ, почитанiе, жертвы, дары, святыни, храмъ,—почти такъ же существенно и присутствiе жречества. Негры центральной Африки слѣдующимъ образомъ пришли къ этому особому виду служебныхъ обязанностей.—«При приближенiи къ богамъ, требуется соблюденiе особаго этикета. Никогда къ божеству не подойдетъ маленькiй мальчикъ или дѣвочка, или вообще тотъ, кто не «посвященъ въ таинства». Право приближенiя къ божествамъ имѣютъ лишь лица, достигшiя извѣстнаго возраста, 12—14 лѣтъ, и обладающiе собственнымъ жилищемъ. Рабы рѣдко молятся, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они видятъ сны. Дѣти, видѣвшiе сны, передаютъ ихъ матери, которая за нихъ идетъ къ божеству. При посѣщенiи божества требуется приносить ему дары, а дѣти и рабы не могутъ, вообще, дарить что-либо. Вообще не принято, чтобы кто-либо, кромѣ вождя племени, приближался къ богамъ. Послѣднiй—признанный всѣми первосвященникъ, приносящiй молитвы и жертвы за всѣхъ своихъ соплеменниковъ... Туземцы, какъ отдѣльныя единицы, не имѣютъ религiи, но отправляютъ ее коллективно, цѣлыми деревнями и общинами. Такимъ образомъ, ихъ религiя не есть дѣло частное, личное, а дѣло всего племени».

Но есть еще иныя основанiя, вызывающiя необходимость жречества. Для права ходатайства всегда самымъ обязательнымъ условiемъ является родство. Но все же необходимъ посредникъ между просителемъ и просимымъ.

—«Вождь деревни, говоритъ Макдональдъ, имѣетъ особенныя права на жречество. Боги деревни вѣдь его личные родственники. И всякiй, кто живетъ къ деревнѣ, признаетъ этихъ боговъ. Если же кто переѣзжаетъ въ другую мѣстность, онъ мѣняетъ боговъ и принимаетъ боговъ вождя своего новаго мѣстожительства. Кто желаетъ молиться богамъ деревни, понятно, хочетъ, чтобы его молитвы были переданы вождемъ, ибо послѣднiй находится въ близкомъ родствѣ съ самимъ божествомъ, и его скорѣе услышатъ, чѣмъ какого-то чужого».

Весьма скоро отъ духа-бога путемъ естественнаго отбора переходятъ къ божеству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.—«Боги туземцевъ почти столь же многочисленны, какъ и ихъ покойники. Слѣдовательно, невозможно